

2. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М. — Л., 1945.
3. Ли Ч. Н., Томпсон С. А. Подлежащее и топик: новая типология языков. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982.
4. Jackson K. Language and history in early Britain. Edinburgh, 1953.
5. Ярцева В. Н. Синтаксис инфинитива в древнеирландском языке. — Уч. зап. ЛГУ, 1940, № 58.

6. Ярцева В. Н. Древнеирландский и другие кельтские языки в системе индоевропейских языков. — Уч. зап. ЛГУ, 1940, № 60.
7. Десницкая А. В. Категория собирательности и категория массы в истории грамматического строя албанского языка. — В кн.: Грамматический строй балканских языков. Л., 1976.

Кузьмина С. М. Теория русской орфографии. Орфография в ее отношении к фонетике и фонологии. — М.: Наука, 1981. 265 с.

Как связаны между собой русская орфография и язык? Решение этой проблемы имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение. От него зависят и успешная разработка методики преподавания, и пути усовершенствования русской орфографии. Поэтому хочется обратить внимание всех, кто заинтересован в решении этих задач, на рецензируемую работу, в которой отношения между русским языком и его орфографией (в пределах той ее части, которая определяет выбор букв для передачи словоформ) описаны с наибольшей полнотой и последовательностью.

В описании отношений между орфографией и языком автор последовательно исходит из теории Московской фонологической школы. Идея фонематического принципа русской орфографии, выдвинутая основоположниками этой школы, послужила отправным пунктом для многих теоретических исследований и практических рекомендаций в области русской орфографии. Но исчерпывающее описание отношений между русским письмом и фонологической системой современного русского литературного языка впервые дается в книге С. М. Кузьминой.

Фонологический подход проявляется в этой книге не только в трактовке орфографических правил, но и в определении самого понятия орфографии. Сопоставляя различные точки зрения на место орфографии в системе письма, автор выдвигает свое понимание орфографии как совокупности правил использования букв для обозначения фонем в отличие от суперорфографии, т. е. правил использования «суперорфографических» средств (прописных и строчных букв, пробелов и дефисов), а также нероглифики, т. е. правил использования цифр и других нероглифических знаков. Я думаю, что такое деление разумно, потому что для правильного использования каждого из выделенных типов средств нужны совершенно разные правила, учитывающие различный комплекс сведений о языке.

Главной задачей автора была разработка полного перечня правил перехода от фонем к буквам. Но в непосредственном наблюдении нам даны не фонемы, а звуки. Поэтому правилам перехода от фонем к буквам (собственно орфографическим

правилам) предпосланы в книге правила перехода от звуков к фонемам.

Такой двухступенчатый переход от звучащей речи к письменной отвечает фонематической природе русского письма (буквами передаются фонемы, а не звуки) и позволяет, как справедливо замечает автор, «четко отграничить проблемы написания от проблем иного порядка» (с. 17), что очень существенно для кодификации орфографических норм.

Правила перехода от звуков к фонемам и от фонем к буквам построены С. М. Кузьминой однотипно (в той мере, в какой это допускает сам характер правил). Они даны в виде таблиц, где для каждого правила указаны все те (и только те) условия, которые существенны для определения фонемы (в первой категории правил) или выбора буквы (во второй категории правил), причем условия эти расклассифицированы и помещены в соответствующих графах, так что сразу виден характер обусловленности применения того или иного правила. Индивидуальные условия графически выделены. В последней графе приводятся примеры.

Такое построение достаточно наглядно и удобно для сопоставления различных правил по тем или иным параметрам. Поэтому читатель получает возможность самостоятельно проверить наблюдения и выводы, которые делает автор на основании анализа каждой категории правил. Так, например, построение собственно орфографических правил позволяет сопоставить их по количеству буквенных соответствий одной фонеме (или гиперфонеме), по регулярности применения, по характеру условий, существенных для разных правил.

Оценивая различные правила по указанным параметрам, автор выделяет основные и неосновные буквенные соответствия. Орфографические трудности связаны именно с неосновными буквенными соответствиями, а степень этих трудностей зависит от количества условий, которые определяют выбор букв (чем больше условий приходится учитывать, тем труднее правило), и от того, насколько регулярно используются эти условия в правилах перехода от фонем к буквам (уникальность условий делает правило более трудным).

Таким образом, правила, разработанные и проанализированные автором, дают в руки кодификаторов орфографии объективные критерии для оценки орфографических норм. Кроме того, автор и сам, пользуясь этими критериями, оценивает некоторые предложения по усовершенствованию русской орфографии, выдвигавшиеся ранее. Нельзя сомневаться в ценности предложенных правил и выводов из них для дальнейшей работы в области усовершенствования русской орфографии. Это не значит, что анализ правил, разработанных С. М. Кузьминой, дает исчерпывающие аргументы в пользу того или иного практического решения. Кодификаторам орфографических норм приходится учитывать более широкий круг вопросов, в том числе, как справедливо полагают Р. И. Аванесов и А. А. Реформатский, в каких-то пределах и территориальное варьирование русского языка.

Так, выдвигалось предложение передавать одну гиперфонема всегда одним и тем же способом. Например, гиперфонема <о/а> всегда передавать буквой а (*тапор, сапог*) или всегда буквой о (*топор, сопог*) и т. п. С. М. Кузьмина произвела подсчеты, которые показывают, какую букву рациональнее избрать, если это предложение будет принято. Но нужно ли его принимать? С. М. Кузьмина на этот вопрос не отвечает, поскольку предложения по усовершенствованию орфографии непосредственно не входят в ее задачу, но положительный ответ на этот вопрос безусловно вытекает из составленных ею правил, которые ориентированы на фонологическую систему литературного языка. Однако при оценке этого предложения следует подумать о том, что оно серьезно задевает интересы носителей оканья. Конечно, орфографические нормы рассчитаны на литературный язык. Но нужно учесть, что оканье широко распространённая и устойчивая диалектная черта, которая сохраняется у многих высокообразованных людей. Унификация правописания гиперфонемы литературного языка <о/а> создала бы для них большие трудности, чем разноречие в ее передаче для носителей аканья, потому что антифонемные написания (такие, как *тапор* или *сопог* для носителей оканья) хуже, чем просто непроверяемые, но не противоречащие фонемному принципу (*топор* и *сапог* для носителей аканья). Первые противоречат фактам языка, а последние не противоречат языковым фактам, хотя и не определяются ими однозначно. Однако и в этом случае, когда необходимо выйти за пределы рассматриваемого С. М. Кузьминой материала, сам принцип оценки написаний целиком вытекает из тех критериев, которые наиболее полно и точно сформулированы в ее книге.

Двухступенчатый переход от звуков к буквам целесообразен и с точки зрения методики преподавания русской орфографии. На нем основаны школьные правила правописания безударных гласных, глухих и звонких согласных и другие правила того же типа, суть которых заключается в определении фонемной принадлежности звука в слабой позиции по сильной

позиции. Чтобы облегчить практическое применение этих правил, С. М. Кузьмина посвятила специальную главу типам проверок. Разработка типов проверок должна помочь пишущему быстрее найти ту форму, где проверяемая фонема находится в сильном положении. Эта глава должна привлечь особое внимание педагогов, методистов, авторов учебников и сборников упражнений. Поэтому было бы очень полезно, если бы С. М. Кузьмина написала на ее основе специальное пособие, посвященное типам проверок.

Все установленные автором типы проверок делится на две группы: проверки другими формами той же лексемы (более простые) и проверки формами однокоренных лексем (более сложные). Проверка форм одного вида формами другого вида отнесена автором к первой группе. Хотя часть ученых считает видовую пару глаголов формами одного слова, следует учесть, что в школе, для которой и разрабатываются типы проверок, глаголы совершенного и несовершенного вида рассматриваются как разные слова, причем такая трактовка, по-моему, более оправдана и в теоретическом плане [см. 1].

Полезно, что к типам проверок даны указания о запретах тех или иных проверок для некоторых словоформ или определенных классов словоформ. Запреты охватывают различные случаи. Это и написание, противоречащее фонемному принципу типа *расти* (ср. *рос*), *плывец* (ср. *плывать*), и те случаи, когда в однокоренных словах наблюдается чередование фонем. Так, например, нельзя проверять написание глагола *потереть* существительным *протирка*, но не потому, что это написание антифонемно, а потому, что здесь другая фонема (ср. *протёртый*). Оба типа запретов нужны, но было бы целесообразно указать на различные причины этих запретов.

Попутно замечу, что место для главы о типах проверки (досле правил перехода от звуков к фонемам) выбрано не очень удачно и название ее нуждается в уточнении. Глава называется «О способах определения фонемного состава основ», а тема ее несколько уже: не вообще об определении фонемного состава основ, а с целью выбора буквы для правильного написания. Отсюда и запреты на проверку безударных гласных ударными в таких морфемах, как <рост> (*расти, растение*) или <гар> (*гореть*). Если бы речь шла просто об определении фонемного состава этих корней (безотносительно к написанию), то подобные запреты не имели бы места. Они вытекают не из правил перехода от звуков к фонемам, а из правил перехода от фонем к буквам. Поэтому главу о типах проверок следовало бы дать не после правил перехода от звуков к фонемам, а после правил перехода от фонем к буквам или же в качестве приложения.

Анализ правил перехода от фонем к буквам дает автору материал и для уточнения некоторых теоретических представлений об устройстве русской орфографии. Так, автор приходит к выводу, что в русском языке нет написаний, которые можно было бы бесспорно считать фоне-

тически. Наиболее, казалось бы, убедительный пример фонетических написаний: различное правописание приставок *из-, без-, через-* и т. п. перед глухими и звонкими согласными получает другую трактовку. Как уже отмечал Р. И. Аванесов для слова *беззвусный* [2], написание приставки определяется следующей буквой, а не звуком (в данном случае глухим [ф]). С. М. Кузьмина находит подтверждение этой закономерности в результатах поставленного ею специального эксперимента (написание окказионализмов *черезвторниковый, бессбруйный*).

В некоторых работах по орфографии, также исходящих из представлений о главенстве фонематического принципа орфографии, упоминаются и различные другие принципы: фонетический, этимологический, морфологический, символический и т. п. Работа С. М. Кузьминой убеждает, что с синхронной точки зрения можно говорить только о двух типах написаний: фонематическом и нефонематическом. Нефонематическим написаниям в правилах С. М. Кузьминой отвечают такие написания, которые получаются в результате применения правил, ограниченных определенными (причем не фонологическими) условиями.

Это очень существенная мысль. Для буквенного письма возможны, как уже отмечали И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров [3], только два принципа: фонетический или фонематический. Ни на каких других принципах правила выбора букв не могут быть построены. В русской орфографии, что можно считать уже доказанным и что еще раз ярко подтверждается всей книгой С. М. Кузьминой, действует фонематический принцип. Все нефонематические написания могут рассматриваться как отступления от этого принципа в определенных условиях, которые фиксируются в правилах, но не проявлениями каких-то особых принципов, поскольку отступления от фонематического принципа именно в этих (а не в других условиях) с синхронной точки зрения не могут быть объяснены.

Необходимость разработки полного перечня правил перехода от звуков к фонемам и от фонем к буквам потребовала от автора рассмотреть целый ряд трудных теоретических проблем фонологии и морфемики. Понятие гиперфонемы, правомерность использования косвенных критериев определения фонемной принадлежности звуков при невозможности проверки по сильному положению, фонемная интерпретация двойных согласных, критерии членности слова — вот неполный круг спорных проблем, по которым автор должен был принять определенное, хотя иногда и условное решение. Решения, которые принимает С. М. Кузьмина, всегда убедительны с точки зрения специфических целей ее работы, а в ряде случаев они представляют и более широкий интерес.

К таким вопросам прежде всего относятся проблемы гиперфонем и фонемной интерпретации двойных согласных. Интерес представляет уже сам анализ существующих точек зрения на гиперфоне-

му, различие которых до сих пор не формулировалось так точно, как это сделано в книге (отмечу попутно, что это же относится и к разделу о графике и орфографии). Что касается принятых автором решений, то принципиально важным является стремление автора использовать любые закономерности, дающие возможность косвенным способом определить фонемную принадлежность звука и тем избавиться от лишних гиперфонем. Такой подход вполне оправдан не только с точки зрения простоты орфографических правил. Не менее существенен он и для описания морфологии и словообразования. Думаю, что это не просто вопрос удобства описания, но что за таким решением стоит определенная языковая реальность [см. 4]. Особый интерес представляет благодаря новизне и обстоятельности аргументации разработка вопроса о гиперфонемах по отношению к твердым и мягким согласным.

Принципиально важной представляется авторская трактовка фонемного статуса двойных согласных. В отличие от традиции двойные согласные интерпретируются С. М. Кузьминой одинаково как в общеупотребительных, так и специальных, малочастотных словах. Действительно, нет оснований априорно рассматривать фонетику малочастотных специальных слов как особую подсистему. Правильнее, по-моему, распространять на малочастотные слова общие закономерности во всех тех случаях, когда это не противоречит фактам, т. е. исходить из презумпции единства системы. Это и привлекает в решении, предложенном С. М. Кузьминой.

В заключение позволю себе несколько замечаний и уточнений.

Не могу согласиться с тем, что фонема является мельчайшей знаковой единицей языка (с. 12). Такое определение предполагает, что звук является единицей речи, а не языка. Но может ли единица языка (фонема) представлять собой чередование единиц речи (звуков)? Вслед за П. С. Кузнецовым [5] я считаю, что московское понимание фонемы предполагает, что есть не только звуки речи, но и звуки языка. Опп-то и являются мельчайшими знаковыми единицами языка.

С. М. Кузьмина, определяя эмпирически необходимую ей степень точности фонетической транскрипции, отказывается сформулировать общий критерий отбора знаков. Мне кажется, что необходим и достаточен для построения правил перехода от звуков к фонемам набор знаков, обеспечивающий обозначение всех фонем языка и позиционных вариантов, в которых совпадают разные фонемы, если звуки, в которых они совпадают, не могут быть объединены (по своим фонетическим свойствам) ни с одним из звуков, представленных на месте этих фонем в сильном положении. Поэтому, например, нет необходимости в специальном знаке для [a] в первом предударном слоге ([вэдá]), но необходим знак для редуцированного гласного в других безударных слогах ([вэдáвс]). Избранная С. М. Кузьминой система знаков полностью отвечает

такому критерию. Какая же языковая реальность стоит за этой удобной для правил перехода от звуков к фонемам системой транскрипции? Возможно, что это именно набор звуков языка (в отличие от звуков речи).

Автор убедительно, с моей точки зрения, доказывает, что графика и орфография не являются разными разделами правописания. Значит ли это, что понятие графики он считает вообще излишним? Хотя прямо это не утверждается, но такое впечатление создается у читателя. Между тем понятие графики все-таки полезно, если понимать под графикой основные способы буквенного обозначения фонем в сильной позиции. Так, методисту, очевидно, полезно различать орфографические ошибки, нарушающие и не нарушающие принципы графики, поскольку они требуют разного подхода, а кодификатору — учитывать, затрагивает или нет предполагаемое изменение орфографии систему графики.

Таковы некоторые соображения, вызванные чтением книги С.М. Кузьминой. Естественно, что в небольшой рецензии нет возможности осветить все грани

этой работы, представляющей большой теоретический и практический интерес и паталкивающей на дальнейшие размышления.

Булатова Л. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
2. Аванесов Р. И. Приставки на <з> — В кн.: О современной русской орфографии. М., 1964, с. 119.
3. Ильинская И. С., Сидоров В. Н. Современное русское правописание. — Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина, 1953, XXII, вып. 2, с. 8.
4. Булатова Л. Н. О специфике определения фонемной принадлежности безударных гласных в составе окончаний (на материале русских говоров). — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1981. М., 1984.
5. Кузнецов П. С. Об основных понятиях фонологии. — ВЯ, 1959, № 2.

Казарян Б. К. Частотный словарь современного армянского языка (около 36 000 слов). Ред. Григорян В. М. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1982. 758 с. (на арм. яз.).

В мировой статистической лексикографии существенное место принадлежит работам советских лингвостатистиков. Среди составляемых ими частотных словарей (ЧС) заметно выделяются ЧС языков народов СССР, поэтому внимание научной общественности будет привлечено к опубликованному недавно ЧС армянского языка. Он создан на базе коллективных исследований, выполнявшихся с 1967 г. в Отделе общей и сравнительной лингвистики, в Отделе структурной и математической лингвистики, а также в Лаборатории информационно-вычислительных систем Института языка им. Г. Ачаряна АрмССР.

Словарь примечателен не только тем, что представляет собой первый опыт составления ЧС данного языка, но и объемом подвергшихся расписыванию текстов: их общая длина равна 2 026 148 словоупотреблений. С этой точки зрения рецензируемый ЧС является самым обширным в отечественной статистической лексикографии. В нем приводятся 32,6 тыс. из 41 тыс. обнаруженных в выборке разных слов.

Словарь состоит из частотного списка 19,4 тыс. слов с частотами не менее 3, алфавитного списка 13,3 тыс. слов с частотами 1—2 и алфавитно-частотного списка слов с частотами не менее 10.

Во введении характеризуется качественный и количественный состав выборочной совокупности текстов, опубликованных в 1950—1973 гг., и методика их расписывания (вручную). Итоговые распределения в выборочной совокупности

следующим образом: художественная литература — 270 тыс.; поэзия — 230 тыс.; детская литература — 203 тыс.; драматургия — 155 424; лингвистическая литература — 178 тыс.; литературоведение — 230 тыс.; научно-популярная литература — 101 724 тыс.; учебники — 210 тыс., журналы — 200 тыс., газеты — 180 тыс. словоупотреблений соответственно. Кроме того, в выборку включены также 68 тыс. словоупотреблений, относящихся, согласно автору, к «нейтральному словарю» учеников 8—10 классов школы. Последняя часть корпуса, методика ее отбора и анализа никак не прокомментированы составителем. Судя по другим публикациям Б. К. Казаряна [4], она получена в результате ассоциативного эксперимента по выявлению «резервного» вокабуляра школьников. В таких экспериментах испытуемые называют слова, ассоциирующиеся в их сознании с той или иной заданной темой. Действительно, обращение хотя бы к началу частотного списка показывает высокую частотность и распространенность по всем 11 частям корпуса слов со значениями «быть», «говорить», «иметь», «приходить», «человек», «видеть», «идти», «много», «давать», «все», «большой», «время», тогда как слова со значениями «и», «он», «что», «я», «ты», «тот», «в», «сам», «если», «но» зарегистрированы лишь в 10 частях, и это совершенно естественно.

Все это, думается, следовало объяснить в предисловии, так же как и аргументировать возможность суммирования данных о словах, зафиксированных в